

Другой выбежавший наружу чиновник, тяжело дыша, вернулся и сказал:

— Снаружи никого нет. Похоже, что, увидев, как мы заходим в дом, этот человек просто подкинул письмо и скрылся.

Чиновник, державший письмо, задумался и спросил у Цю Хэняня:

— Ваш приемный отец носит фамилию Ван, а в письме упоминается человек с той же фамилией. Какое у вас родство?

Цю Хэнянь рассказал об отношениях, которые связывали его и двух оставшихся братьев семьи Ван, а также поведал об их прежних конфликтах и взаимных обидах.

Чиновник нахмурился и сказал:

— Судя по всему, кем бы ни был отправитель письма, нам придется навестить старшего из семьи Ван.

Так как между Ван Хэяо и Цю Хэнянем в прошлом было множество разногласий, чиновники не стали брать последнего проводником. Вместо этого они уточнили приблизительное местоположение дома и направились туда сами.

Достигнув восточной части деревни, они привлекли внимание местных детей, которые, никогда прежде не видев таких чиновников, с любопытством следовали за ними, играя и перебегая по дороге.

О том, что во втором доме семьи Ван пропали деньги, накануне уже ходило немало слухов по деревне. Люди выглядывали из своих дворов, чтобы посмотреть на чиновников, а некоторые даже пытались расспросить, не идут ли те арестовывать старшего из семьи Ван.

Один из чиновников остановился и спросил:

— Откуда вы знаете, что мы идем к старшему из семьи Ван? И почему вы думаете, что мы собираемся его арестовать?

Мужчина, озираясь по сторонам, понизил голос и сказал:

— Сначала говорили, что деньги у второго из семьи Ван украл наемный работник, но вы же его с собой не забрали, а отправились в сторону дома старшего. Значит, с большой вероятностью, дело именно в нем. Говорят, его мать в последнее время от голода уже совсем посинела, а он все равно продолжает кутить и играть в азартные игры. Вчера я слышал, как его мать в их дворе горько причитала, а его супруг тоже всхлипывал. Похоже, он все имущество спустил

подчистую. Вот и оказался в безвыходном положении — пошел воровать деньги у второго брата.

Чиновники переглянулись, их взгляды стали еще более подозрительными.

Не успели они пройти далеко, как уже оказались у нужного дома. Постучав, они дождались, когда дверь открыл худощавый гер лет тридцати с лишним, одетый в серую заношенную одежду. На одной стороне его лица отчетливо виднелся свежий синяк от пощечины.

Увидев, что на пороге стоят чиновники, он заметно занервничал, но такая реакция выглядела вполне обычной. Простые деревенские жители редко сталкивались с представителями власти, особенно в этих удаленных горных селениях, и от одного их присутствия начинали чувствовать себя неуютно.

Главный из чиновников спросил:

— Ты — супруг Ван Хэяо, Шэнь Вэнь?

Шэнь Вэнь опустил голову и, заметно испугавшись, тихо кивнул:

— Да, господин.

Чиновник снова спросил:

— Ван Хэяо дома?

Шэнь Вэнь покачал головой и сказал:

— Его нет, он только что вышел...

Не успел он договорить, как из глубины дома послышался голос пожилой женщины:

— Кто там пришел?

Шэнь Вэнь поспешно обернулся и ответил:

— Мама, это двое чиновников. Они спрашивают, куда ушел муж.

Пожилая женщина вышла во двор. Ее лицо было землистого оттенка, покрыто глубокими морщинами. Увидев чиновников, она явно испугалась, сжалась и, втянув плечи, произнесла:

— Наш Хэяо ушел в уезд. Его пригласил друг выпить.

Как только она закончила говорить, главный чиновник с заметной проницательностью уловил момент: Шэнь Вэнь внезапно бросил взгляд на свою свекровь, но тут же опустил глаза.

Чиновник перевел взгляд на Шэнь Вэня и сказал:

— Ты говори. Куда на самом деле отправился Ван Хэяо? Не скажешь правду — на суде палок не избежать!

Шэнь Вэнь резко поднял голову, побледнел и дрожащим голосом проговорил:

— Он... он... он пошел в игорный дом на рынке.

Чиновник прищурился и спросил:

— А я уже расспросил ваших соседей. Говорят, у вас и еды на ужин не найти. Откуда у него деньги, чтобы играть?

Шэнь Вэнь собирался ответить, но тут сгорбленная старуха неожиданно взвилась, бросившись на него с криками:

— Паршивец! Как смеешь молоть чепуху! Да я тебя убью!

Ее ладонь уже готова была обрушиться на его лицо, но чиновники не дремали. Один из них быстро перехватил старуху, выкрутив ей руку, и громко прикрикнул:

— Еще раз вздумаешь буяннить — заберем тебя в уездный ямен!

Однако старуха, побагровев от ярости, с горящими глазами выкрикнула:

— Вы не нашли настоящего вора и хотите сделать козлом отпущения моего Хэяо? Да, он любит играть и веселиться, но он не такой уж плохой человек! Деньги точно не он взял. Если вы посмеете его арестовать, я лично отправлюсь к господину префекту и обвиню вас в том, что вы взяли деньги у Цю Хэняня и вместе с ним хотите подставить моего сына!

Ее случайные обвинения неожиданно попали в больную точку. В прошлом в уезде действительно был случай, когда чиновники принимали взятки и помогали в подставных делах. Это скандално отразилось на карьере тогдашнего префекта и его помощника. С тех пор подобные дела наказывались особенно строго: провинившихся ждал не только позорное увольнение, но и тюремное заключение.

Услышав эти слова, лица обоих чиновников изменились. Главный, стиснув зубы, крепко схватил старуху за плечо и, глядя на нее с отвращением, холодно сказал:

— Раз так, отправляйся с нами в уездный ямен. Там и будешь высказывать свои обвинения перед господином префектом.

Он усмехнулся и добавил:

— Но сразу предупрежу: за ложные обвинения без доказательств тоже палок не избежать. А тебе, с твоим возрастом и хилым телом, вряд ли удастся вернуться обратно живой!

Чиновники схватили старуху Ван и потащили ее наружу. Она яростно сопротивлялась, ее ноги оставляли глубокие борозды на пыльной дороге, а крики разносились по всей деревне:

— Чиновники убивают! Чиновники обвиняют невиновных!

Шэнь Вэнь, спотыкаясь и едва держась на ногах, выбежал из дома, догнал их и со слезами на глазах закричал:

— Прошу вас, господа, не забирайте мою свекровь! Она просто слишком переживает за Хэяо, она не хотела говорить глупости! Прошу, проявите милосердие!

Старуха Ван, пройдя уже приличное расстояние, поняла, что ее обычные выходки и уловки больше не работают. Осознав, что ей действительно грозит наказание, она моментально утратила всю свою напускную смелость. Лицо ее залила смесь слез и соплей, а голос перешел в жалобный тон:

— Я больше не буду, господа, простите меня! Пожалуйста, отпустите!

К этому моменту вся деревенская улица была заполнена любопытными жителями, привлеченными шумом. Никто не испытывал жалости к старухе Ван, которая немало нагубила и насолила соседям. Напротив, многие с удовольствием наблюдали за происходящим, будто за представлением. Некоторым даже не хватало только семечек, чтобы окончательно насладиться зрелищем.

Кто-то все же вздохнул и сказал:

— Жалко их честную невестку. Шэнь Вэнь — действительно хороший человек. А как они к нему относятся, в деревне все знают. Постоянно бьют, ругают, из дома выгоняют. Даже еды не дают! В прошлый раз его так довели, что он в колодец прыгнул. А сейчас, посмотрите, он искренне просит за свою свекровь!

Другие подхватили:

— Если бы это была моя злая свекровь, я бы только праздновал ее арест, купил бы тысячу фейерверков и отметил! А Шэнь Вэнь слишком добродушный, вот и достается ему.

На дороге Шэнь Вэнь уже опустился на колени, обхватив штанины ведущего чиновника, и со слезами умолял о пощаде.

Главный чиновник изначально просто хотел припугнуть старуху. Видя мольбы Шэнь Вэня, он тяжело вздохнул и сказал:

— Она так с тобой обращается, а ты все равно ее защищаешь. Ладно, — он кивнул своему напарнику, и оба одновременно отпустили женщину. Та тяжело плюхнулась на землю с криком:

— Ой!

Чиновник продолжил:

— Учитывая преданность твоей невестки, сегодня мы тебя отпустим. Но вот твоему сыну повезет куда меньше!

С этими словами оба чиновника резко повернулись, взмахнули полами своих одеяний и уверенными шагами направились за пределы деревни. Теперь уже было ясно: украл деньги Ван Хэяо или нет, это выяснится, как только его схватят в игорном доме и доставят на допрос.

Как только они ушли, старуха Ван тяжело опустилась на землю, заломила руки и начала голосить, ударяя себя по бедрам. Шэнь Вэнь тоже не мог сдержать слез, рыдая так, что, казалось, потерял всякое представление о том, что ему теперь делать.

Кто-то из соседей подошел к нему, помог встать и тихо заметил:

— Что бы ни произошло, лучше уведи свою свекровь домой. Здесь столько людей, все смотрят на вашу семейную драму.

Шэнь Вэнь быстро кивнул, вытер слезы и направился к старухе Ван, чтобы помочь ей подняться. Однако, едва увидев невестку, старуха Ван перестала плакать. Ее брови гневно взметнулись вверх, и она протянула руку, чтобы ударить Шэнь Вэня. Ее остановили стоящие рядом деревенские:

— Он ведь хочет тебе помочь! Что ты делаешь?

Но старуха Ван в ответ закричала:

— Это все из-за него, этой звезды несчастья! С тех пор как он появился в нашем доме, ничего хорошего не случилось...

Ее проклятия звучали снова и снова, становясь все более жестокими, и от этих слов Шэнь Вэнь, не выдержав, разразился всхлипами, закрыв лицо руками. Соседи наблюдали за этой сценой с тяжелым сердцем.

Старуха Ван, понимая, что продолжать устраивать спектакль на глазах у всей деревни не имеет смысла, поднялась с земли и, схватив рыдающего Шэнь Вэня, повела его обратно домой. Войдя во двор, она с грохотом захлопнула за собой ворота, отрезав любопытные взгляды соседей.

Когда они вошли в дом, старуха Ван, размахнувшись, со всей силы замахнулась на Шэнь Вэня, при этом выкрикивая:

— Подлец! Это ты предал моего сына!

Но ее рука так и не достигла цели. Шэнь Вэнь схватил ее за запястье. На лице невестки не осталось и следа прежней слабости и слез. Его глаза сверкали решимостью, спина была прямая, а весь его облик внезапно излучал силу. На губах Шэнь Вэня играла легкая, почти насмешливая улыбка, когда он произнес:

— Вы не сумели воспитать своего сына, но нашлись те, кто сможет это сделать за вас. Он вряд ли вернется. Вы уже немолоды, так что подумайте, как будете жить дальше.

С этими словами он резко оттолкнул руку старухи Ван, отчего та пошатнулась. Шэнь Вэнь спокойно развернулся, ушел в свою комнату и громко захлопнул дверь.

Старуха Ван, охваченная яростью, хотела было пнуть дверь и ворваться внутрь, чтобы разобраться с невесткой, но, едва подняв ногу, почувствовала, как силы покидают ее, и она чуть не осела на пол.

Она была уже стара. Если ее сын действительно не вернется, на кого она сможет опереться?

Постепенно гнев в ее глазах угас. Некоторое время она стояла перед дверью Шэнь Вэня, а потом, поникнув, словно потерянная, повернулась и медленно пошла к себе в комнату. Там она закрыла дверь и осталась одна, погруженная в мрачные мысли...

□□.....

В полдень из города распространилась новость: двое ямэньских приставов нашли Ван Хэяо, который увлеченно играл в азартные игры в местном притоне. Не долго думая, его схватили и доставили в уездный суд.

По словам очевидцев в тот день Ван Хэяо был в ударе — удача сопутствовала ему с момента, как он сел за стол, и он постоянно выигрывал, его улыбка буквально доходила до ушей. Но все изменилось, когда появились приставы. Осознав, что беда пришла, он вскочил и попытался бежать, но из-за слабости и недоедания не успел пройти и пары шагов, как зацепился ногой за ногу и с грохотом рухнул на землю. Приставы без особых усилий связали его и увели.

После обеда Цю Хэнянь, как потерпевший, был вызван в уездный суд. Его сопровождали староста деревни и Лю Фа. Некоторое количество любопытных сельчан последовало за ними, желая понаблюдать за развитием событий.

Цин Янь тоже хотел было пойти, но Цю Хэнянь предупредил, что, вероятно, на суде будут применяться пытки. Услышав это, Цин Янь передумал и решил остаться дома, чтобы дожидаться новостей.

Ожидание затянулось до самого вечера. Один из деревенских, торопившийся домой на ужин, не дождавшись окончания суда, вернулся раньше. Окружающие сразу обступили его с вопросами, и он рассказал:

— Вот это да! Едва приставы поставили Ван Хэяо в колодки, как он тут же сознался! Оказывается, деньги старшего сына семьи Ван украл он. Вчера утром, пока дома никого не было, он залез через окно, вскрыл замок и забрал весь мешок с деньгами. Этот тип вообще бессовестный — дома семья голодает, а он вместо того, чтобы хоть зерна купить, сразу отправился в игорный дом в городе.

— Когда я уходил, они все еще допрашивали его, так что вряд ли там быстро разберутся, — добавил мужчина.

Цин Янь ждал до самого наступления темноты. Наконец, он услышал шум у ворот. Выйдя вместе с тетей Ли, он увидел знакомую высокую фигуру — это был Цю Хэнянь. На его лице читалась усталость, но он улыбнулся и сказал:

— Я вернулся.

За ужином Цю Хэнянь кратко рассказал о том, что происходило на суде, подтвердив слова вернувшегося раньше односельчанина. Однако он добавил, что после признания Ван Хэяо уездный судья задал еще несколько уточняющих вопросов.

Выяснилось, что поврежденное окно в комнате Кузнеца Вана, через которое Ван Хэяо проник в дом, было слабым местом. Несмотря на то, что створка была заперта изнутри, если надавить на раму снаружи, окно легко открывалось.

Когда же речь зашла о том, как Ван Хэяо узнал, где хранились деньги, он не смог дать внятного ответа. Единственное, что он сказал, — ему просто казалось, что деньги должны быть там. Зайдя в дом, он сразу направился к ящику под кроватью, и, действительно, нашел их там.

После ужина, когда тетя Ли ушла, Цю Хэнянь достал из сумки мешочек с деньгами, положил его на стол и открыл. Цин Янь увидел, как аккуратно уложенные серебряные слитки, весом в четыреста с лишним лян, блеснули в свете лампы.

Возвращение утраченного приносит даже больше радости, чем его первое обладание.

Цин Янь осторожно провел рукой по серебряным слиткам и спросил:

— А что будет с Ван Хэяо?

Цю Хэнянь задумался на мгновение и ответил:

— Законы нашего государства суровы к ворам. Уездный суд должен направить отчет в округ, а округ — еще выше. Окончательный приговор мы узнаем только через несколько месяцев.

Эти два напряженных дня вымотали обоих, но теперь, когда все немного уладилось, они привели себя в порядок перед сном и отправились отдыхать.

На следующий день Цю Хэнянь занялся ремонтом сломанного окна и заодно проверил все двери и другие окна в доме, чтобы убедиться в их надежности. Утром в гости часто заглядывали деревенские, расспрашивая о подробностях вчерашнего суда. Цю Хэнянь делился только тем, что уже обсуждалось, поэтому к полудню, когда ничего нового услышать было нельзя, интерес к ним постепенно угас.

После обеда супруги вместе отправились в город. Там они внесли всю лишнюю сумму серебра в местное хранилище. Раньше им казалось, что это неудобно, ведь приходилось специально ехать в город, но ради безопасности теперь пришлось изменить свои взгляды.

Заодно они заглянули в магазин, чтобы купить надежный замок. Вернувшись домой, оставшиеся деньги для текущих нужд они спрятали в глубине шкафа и заперли на новокупленный замок. Теперь они могли спать спокойно.

Хотя в деревне знали, что у них украли значительную сумму, точные цифры были известны лишь немногим. Слухи расходились, но с течением времени интерес к этой истории неизбежно затихнет.

Вечером, после купания, Цин Янь пошел к шкафу, чтобы найти свое белое нижнее белье. Он ничего необычного не заметил, вытерся и переоделся.

Супруги легли в постель и погасили свет.

Цю Хэнянь повернулся к нему, обнял и вдохнул аромат его волос. Его большая теплая рука скользнула от затылка вниз по спине. Цин Янь издал довольный звук, уютно устроившись и прижавшись лицом к его шее.

Но когда теплая ладонь скользнула ниже и слегка похлопала по самому мягкому месту, тело Цин Яня напряглось.

Цю Хэнянь ощутил под рукой упругую, теплую плоть. Хотя на душе у него было немного беспокойно, но он понимал, что это не тот момент. Все, что им двигало, было скорее шалостью.

Он тихо рассмеялся, коснулся губами макушки Цин Яня и, мягко погладив его, сказал:

— Ты устал за эти дни. Не буду тебя беспокоить. Спи.

<http://bllate.org/book/13590/1205203>